

УЎК (УДК, UDC): 008(4)

DOI: 10.36078/1564998736

КУЛЬТУРНАЯ ДИПЛОМАТИЯ В ГОСУДАРСТВАХ АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА

Анри Абдуллаевич ШАРАПОВ

Кандидат политических наук

старший преподаватель

Ташкентский государственный

институт востоковедения

anri_1@rambler.ru

Аннотация

В современных условиях глобализации в международных отношениях культурный фактор проявляет себя в виде «мягкой силы». Хотя способы использования культуры в политике, международных отношениях с древних времен находятся в центре внимания ученых, она как политический инструмент стала популярной благодаря взглядам американского ученого Дж. Ная. КНР, Япония и Южная Корея как уникальные страны имеют огромные возможности в использовании ее во внешней политике.

Ключевые слова: культурная политика; глобализация; международные отношения; «мягкая сила».

ОСИЁ-ТИНЧ ОКЕАНИ МИНТАҚАСИ ДАВЛАТЛАРИДА МАДАНИЙ ДИПЛОМАТИЯ

Анри Абдуллаевич ШАРАПОВ

Сиёсий фанлар номзоди

катта ўқитувчи

Тошкент давлат шарқшунослик институти

anri_1@rambler.ru

Аннотация

Глобаллашувнинг замонавий шароитларида халқаро муносабатларда маданий омил “юмшоқ куч” шаклида намоён булади. Маданиятдан сиёсатда, халқаро муносабатларда фойдаланиш усуллари қадимдан мутаффақирлар эътиборида турган бўлса-да, у сиёсий инструмент сифатида америкалик тадқиқотчи Ж. Най қарашлари асосида оммавийлашди. ХХР, Япония ва Жанубий Корея ташқи сиёсий фаолиятда ундан фойдаланишда катта имкониятларга эга эканлиги билан ажралиб туради.

Калит сўзлар: маданий сиёсат, глобализация, халқаро муносабатлар, юмшоқ куч.

CULTURAL DIPLOMACY IN THE STATES OF ASIAN PACIFIC REGION

Anri Abdullaevich SHARAPOV

Candidate of political sciences, senior teacher

Tashkent State Institute of Oriental Studies

anri_1@rambler.ru

Abstract

In modern conditions of globalization, international cooperation of cultural factor shows itself as a «soft power». Although the methods of using culture in politics of international relations from the ancient time were in the center of attention of thinkers it is as a political instrument has become popular due to its views of American scholar Joseph Nye. China, Korea and Japan as unique countries has huge opportunities of using this resource in a foreign policy.

Keywords: cultural politics; globalization; international relations; soft power.

Введение

В настоящее время во внешней политике государств мира все более ярко проявляют себя культура, ценности общества в виде «мягкой силы». На дух сотрудничества непосредственно влияют социокультурные, ценностные и политические ориентиры сторон. Естественно, в таком процессе уникальным инструментом являются культурные основы конкретного общества и государства. Можно сказать, что культура народа выполняет внешнеполитическую функцию. Влияние культуры на международные отношения издревле интересовало ученых. В современных условиях теоретической основой исследования данного явления считаются труды американского ученого Дж. Ная. Потенциал культуры при создании имиджа страны и происходящих в ней процессов уникален. В Министерстве иностранных дел ФРГ считают, что внешняя политика страны базируется на трех «китах»: политике, экономике и культуре (1, 115).

Следует отметить, что внешняя политика оказывается индикатором статуса государства, возможности и авторитетности его элит в региональном и глобальном масштабах. Она, особенно в контексте конфликтов, призвана подчеркнуть и закрепить культурную самобытность, претензии на особую роль, готовность решительно отстаивать свою версию истории и свой историко-политический нарратив (3, 106). Это также актуально во взаимодействиях государств АТР.

На основе классических теорий международных отношений можно утверждать, что политический реализм достаточно давно выполнял функции первой скрипки при выдвигании национальных интересов государств. В настоящее время мы являемся свидетелями трансформации в данной сфере.

Сегодня в политической стратегии Китая имеет большое значение концепция «мягкой силы», суть которой состоит в том, чтобы добиться результатов за счет привлекательного имиджа, пропаганды своих духовных ценностей без применения жестких методов, или же «жесткой силы». Теория «мягкой силы» исключает антагонизм, призывает к гармонии и сотрудничеству (14, 159).

Несмотря на то что автором концепции «мягкой силы» считается американский ученый, основные ее принципы восходят к древним традициям китайцев. Они составляют существенный и необходимый компонент их мировосприятия, основанного на представлениях о Дао-парадигме философских построений, отразивших тип древнекитайского мышления. Гармония в Поднебесной – вот главная отправная точка всех философских построений древнекитайских школ и направлений. Идея ненасилия, гармонии и тождества получила свое отражение в доктрине о двух противоположностях инь и ян (14, 160).

Весьма знаменательным представляется тот факт, что даже концепция военного искусства Древнего Китая, выдвинутая знаменитым полководцем Сун-цзы, не отдавала предпочтения насилию. Его трактат «Искусство войны» («Искусство стратегии») представляет собой глубокое философское рассуждение о сути войны. По мнению Сун-цзы, война — это путь обмана. Целью военных действий Сун-цзы считал достижение выгоды, для чего не всегда обязательны жесткие средства. Жесткие средства должны использоваться только в крайнем случае (6, 160).

В виде одного из основных понятий китайской стратегии отмечается понятие ВЭНЬ. Это культурное начало в человеке, предполагающее ученость, воспитанность, хороший вкус, способность мирно разрешать конфликты и гармонизировать отношения между людьми (6, 417).

Немаловажное значение имеют цивилизационные особенности Китая, проявляющиеся во внешней политике. В результате культурного влияния Китая на соседние страны, китайские традиционные учения – конфуцианство и даосизм, а также буддизм, адаптированный на китайской почве, – имели такую же популярность в Корее и Японии, как и у себя на родине. Правители Китая всемерно использовали этот фактор в своих геополитических целях, всячески способствуя продвижению своих духовных ценностей на соседние регионы (7, 163).

В связи с этим особого внимания заслуживает использование имеющихся возможностей в современных внешнеполитических процессах. По мнению Си Цзиньпина, надо создавать новый имидж Китая, уделяя внимание демонстрации культурной державы – глубины его истории, интеграции всех национальностей, культурного разнообразия и гармонии, имидж восточной державы с прозрачной политикой, развитой экономикой, культурным процветанием, социальной стабильностью, сплоченностью народов и прекрасным пейзажем, имидж ответственной державы, которая настаивает на

мирном развитии, содействует совместному развитию, отстаивает международное равноправие и справедливость и вносит свой вклад в человечество, имидж социалистической державы, полной доброволья, надежды и жизнеспособности (10, 226).

Исследователь Цзи Юэшэн объясняет «китайскую интерпретацию» «мягкой силы», впервые озвученную в политическом докладе на XVII съезде КПК (2007 г.), как упорядоченные действия по четырем направлениям:

- 1) Создавать систему стержневых социалистических ценностей, увеличивать притягательные и цементирующие силы социалистической идеологии;
- 2) Формировать гармоничную культуру, воспитывать цивилизованные нравы;
- 3) Широко распространять национальную культуру, строить общий духовный очаг китайской нации;
- 4) Продвигать новаторство в культуре, усиливать жизненную силу развития культуры (12, 160).

Как отмечает исследователь С.В. Чугров, постепенно стали заявлять о себе иные принципы, заложенные в восточном менталитете и не столь очевидно выраженные в западном. Азия управляется ценностными нормами, отличными от западных, направленными на сочетание политического реализма и присущего азиатскому обществу стремления к гармонизации отношений на основе консенсуса. Опора в критические моменты на жесткую силу сменялась периодами использования инструментария мягкой силы (13, 54).

Сегодня происходят процессы формирования альтернативы мировому развитию и возвращению на мировую арену азиатского континента, что требует более детального изучения культурного кода, ментальности и идентичности Азии.

В связи с этим следует учитывать особенности и различия в мышлении. По мнению С. В. Чугрова, восточное восприятие предполагает внутреннее понимание, а западное действие направлено вовне. На Северо-Востоке Азии важно вписаться в контекст, а представителям Запада важнее переломить контекст. При этом прагматизм остается характерной чертой восточноазиатского мышления, для которого в известном смысле нет ни абсолютного зла, ни абсолютного добра. Свод конфуцианских правил хранит в себе потенциал огромной созидательной силы. Китайский философ Ду Вэймин, которого часто называют «современным Конфуцием», пишет: «Восточная Азия под влиянием конфуцианской культуры уже построила менее

конфронтационную, менее индивидуалистичную и менее эгоистическую современную цивилизацию. Философ призывает к гармонизации западных и восточных ценностей: «Мы не имеем выбора “или-или”» (13, 54).

Несмотря на то что конфуцианство повлияло на развитие почти всех государств Азиатско-Тихоокеанского региона, у каждого государства есть свои особенности и видение нового мироустройства.

В Токио первыми в Азиатско-Тихоокеанском регионе, правда, с заметным опозданием, по сравнению с западными странами, пришли к пониманию и активному использованию «мягкой силы» в качестве мощного инструмента международного влияния. Здесь его трактуют как «воздействие на мир с помощью цивилизационной и гуманитарно-культурной деятельности» и рассматривают в тесном взаимодействии с культурной дипломатией. Для разработки ее концептуальной основы в 2004 г. был создан Консультативный совет по содействию культурной дипломатии во главе с профессором университета «Хосэй» Тамоцу Аоки, одной из задач которого стало улучшение имиджа Японии в мире (4, 71).

Необходимо отметить, что у японской интеллектуальной элиты есть не один проект будущего мироустройства. Одна из концепций называется «глобальная биоэтика», которую предложил профессор университета Аояма Гакуин Хякудай Сакамото на конференции Центра «Восток–Запад» в декабре 2003 года.

Термин bioethics многозначен. Впервые он появился у немецкого пастора Фрица Яра (1895–1953 гг.), который в 1926 г. выдвинул оригинальную концепцию биоэтики и сформулировал – в противовес категорическому императиву Канта – биоэтический императив, требующий уважительного отношения не только человеку, но и ко всему окружающему миру, включая животных и растения. Видный японский специалист по истории буддизма Хадзимэ Накамура (1912–1999 гг.) в своих работах перевел проблемы биоэтики в более широкую плоскость этического универсализма. Японскими философами и политологами биоэтика рассматривается гораздо шире, чем на Западе: как концепция постгуманистического общества, построенного на коммунитаристских основах, в котором населению обеспечивается достойная жизнь. Но только на рубеже XX и XXI вв. Сакамото перевел биоэтику еще на более высокий глобальный уровень, подразумевающий регулирование международных отношений посредством этических принципов. Сакамото определяет свою глобальную биоэтику как «постмодернистскую и постгуманистическую», провозглашает переход «от либеральных образов к

коммунитаристским». Он выступает против «универсализации американских стандартов», а под глобализацией понимает новый путь гармонизации (или согласования) каждого различия или конфликта между всеми культурными и социальными общностями на Земле, возникающими из многообразия современных культурных и социальных инноваций (4, 57).

Вышеуказанный подход позволяет нам отметить, что при повсеместном формировании потребительского общества страны незападного мира имеют огромный потенциал для поиска и нахождения иного пути развития.

Представляется, что данная концепция более чем востребованна, так как опирается на самые глубинные особенности вообще восточного и в частности японского общества. И, естественно, будет служить инструментом «мягкой силы» страны на мировой арене.

30 июня 2009 года премьер-министр Асо выступил с речью в Японском институте международных отношений под названием «Дипломатия Японии: обеспечение безопасности и процветания», в которой отражено большинство его основных стратегических идей по дипломатии. При премьер-министре Асо были составлены две основные программы в отношении безопасности и процветания Японии и всего мира. Одна из них заключается в укреплении строительства «Коридора мира и процветания», которая была выдвинута премьер-министром Коидзуми и согласно которой Япония стремится сотрудничать с Израилем, с руководством Палестины и Иордании в рамках проекта развития Западного берега реки Иордан путем предоставления ОПР и использования японских и израильских технологий. Другая программа – инициатива Евразийского перекрестка и Концепция современной версии Шелкового пути. Данная концепция предусматривала разработку «Логистического маршрута Север – Юг», который будет проходить по вертикали из Центральной Азии через Афганистан в Аравийское море. Совместно с предыдущими проектами по развитию субрегиона в Азии, такими как промышленный коридор Дели-Мумбаи в Индии и Экономические коридоры Меконг в Индокитае, данный проект должен способствовать сокращению времени в пути из Хошимина во Вьетнаме в Ченнай в Индии от примерно двух недель по морю, как оно есть сейчас, до восьми дней, развивая инфраструктуру и используя японские технологии, такие как услуги «одной остановки» на пограничных переходах, что можно назвать современной версией Шелкового пути. Несмотря на то, что концепции Асо сулили Японии роль непрерывного экономического стимулятора не только в Азии, но и в мире, а также перспективу стратегического сотрудничества с США, Россией и Китаем в рамках

региональной интеграции в Центральной Азии и на Кавказе, но из-за неудачи ЛДП на 45-х выборах Палаты советников, в 2009 году, стратегические планы Асо остались лишь планами (11, 123).

Политические процессы, происходящие в Японии, позволяют нам отметить, что происходит внедрение новых методов социально-политического управления страной в условиях глобализации. Возможно, это связано проблемами, стоящими перед страной, такими как низкая рождаемость, старение населения, несбалансированность государственных финансов, необходимость создания действенной модели государственно-частного партнерства (9, 177).

В Японии есть много организаций, укрепляющих культурные и интеллектуальные связи с зарубежными странами и пропагандирующих японские ценности. Ключевой государственный агент «мягкой силы» в культурных и интеллектуальных обменах – Японский фонд (Кокусай корю кикин, Japan Foundation). Формально независимое культурное агентство, действующее под эгидой Гаймусё (японского МИДа) (13, 61).

Еще один момент связан с чисто экономическими причинами: дело в том, что японские бренды сейчас во многом ассоциируются с японским культурным наследием, то есть культура приходит одновременно с экономикой, с экономическими структурами, и, развивая активную культурную деятельность, в частности, пропагандируя японские культурные ценности как традиционные, так и современные, развивая культурные связи, Япония решает задачу более эффективного экономического проникновения в страны АТР. Но есть еще и политические задачи, которые тоже связаны и с экономикой, и с культурой, – это усиление политического влияния, распространение демократических ценностей в региональных странах, носителем коих Япония себя считает. Здесь множество задач, которые решаются активной культурной дипломатией.

Политический долгожитель Японии (четвертый по продолжительности премьер-министр) премьер-министр С. Абэ показал все свои политические решения в своей книге бестселлер «К красивой нации». Интерпретируя понятие построения Японии как прекрасной нации из трех аспектов, таких как: развитие человеческих ресурсов, инноваций (что означает новаторство в создании новых технологий, решение новых задач и претворение в жизнь новых идей) и открытость (что означает открытие общества, экономики и нации) (11, 120).

Признательно то, что именно Япония выступила в качестве инициатора идеи «слияния (confluence) двух морей» (Индийского и Тихого океанов). Под

таким заголовком была произнесена речь С. Абэ в индийском парламенте 22 августа 2007 г. во время его первого премьерского срока. Тогда же С. Абэ высказался за создание «Большой Азии» (1, 3).

В Белой книге говорится, что в рамках своей ОНР (Официальная помощь развитию) Япония будет также пытаться развивать «высококачественную» инфраструктуру в Индо-Тихоокеанском регионе для стимулирования потока людей и товаров. Ключом к стабильности и процветанию в международном сообществе является динамизм, который создается за счет объединения Азии и Африки, а также Тихого и Индийского океанов, указывается в книге. В 2016 г. Япония предоставила ОНР на общую сумму в 16,8 млрд долл., и заняла по этому показателю 4-е место среди стран-членов Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) после Соединенных Штатов, Германии и Великобритании (5, 36).

Экономическая привлекательность использования культуры на примере Южной Кореи поразительна. В 2004 г. доходы от экспорта товаров, связанных с халлю, составили 918 млн долл. США. В 2010 г. Корейский фонд международных культурных обменов оценил экономический эффект от халлю примерно в 4,2 млрд долл. США (7, 148).

Институционализация данного явления очевидна, так как с 2000 г. в отчетах МИДа РК появился параграф «Культурная дипломатия». С 2006 г. в «Белых книгах» МИДа РК содержится раздел «распространение халлю» («Халлю хваксан»).

В качестве итога можно отметить, что КНР, Япония и РК, проводя политику культурной дипломатии, обоснованно опираются на особенности развития мира, культурно-цивилизационные ресурсы, политико-экономические механизмы и институты, которые и в дальнейшем будут способствовать укреплению положительного имиджа и позиции стран как на региональном, так и на глобальном уровнях.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Гордеева И. В. Японо-Индийские отношения и концепция ИТР// Азия и Африка сегодня №9 2018. 2-8 с.
2. Грибкова Д. Япония – модель будущего для многих стран мира//Интервью с Дмитрием Стрельцовым http://japanstudies.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=868&Itemid=90
3. Звягельская И.Д. Символы и ценности в международных отношениях на Ближнем Востоке.//Полис. Политические исследования.2019.№1. С.105-123.
4. Катасонова Е.Л. Япония и азиатский сценарий Джозефа Ная// Азия и Африка сегодня №9 2013.70-74 с.

5. Кистанов В.О. Индо-Тихоокеанская стратегия Японии как средство сдерживания Китая//Проблемы Дальнего Востока. №2, 2018. 32-42с.
6. Китайская военная стратегия. ООО «Издательство АСТ»,2004. 432с.
7. Лачина Е.В. «Корейская волна» как проявление «мягкой силы»//Проблемы Дальнего Востока №2. 2014.147-155с.
8. Павлов Н. Культура – третье измерение внешней политики// Международная жизнь. №8–9. 2008. С.114-127.
9. Панов А.Н. Дмитрий Стрельцов о модернизации Японии в эпоху глобализации.// Полис 2014. №2. 175-178с.
10. Си Цзиньпин. О государственном управлении. Издательство литературы на иностранных языках.Пекин.2014. 613с.
11. Уразаева Ф.П. Внешняя политика Японии на современном этапе // Теории и проблемы политических исследований. 2018. Том 7. № 4А. С. 117-129
12. Цзи Юэшэн. Формирование и реализация внешней культурной политики Китая в условиях глобализации//Проблемы Дальнего Востока №5, 2017. 159-166 с.
13. Чугров С.В. Мягкое притяжение Японии. // Полис. Политические исследования. 2015. № 6. 53-67с.
14. Янгутов Л.Е. Духовные истоки политической стратегии «мягкой силы» Китая//Проблемы Дальнего Востока. №4, 2016. 159-167 с.

REFERENCES

1. Gordeeva I. V. *Aziya i Afrika segodnya*, No 9, 2018, pp. 2–8.
2. Gribkova D. available at: http://japanstudies.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=868&Itemid=90
3. Zvyagel'skaya I.D. *Polis. Politicheskie issledovaniya* , 2019, No 1, pp. 105–123.
4. Katasonova E.L. *Aziya i Afrika segodnya*, No 9, 2013, pp. 70–74.
5. Kistanov V.O. *Problemy Dal'nego Vostoka*, No 2, 2018, pp. 32-42.
6. *Kitaiskaya voennaya strategiya*, Moscow: ООО “Izdatel'stvo AST”, 2004, 432 p.
7. Lachina E.V. *Problemy Dal'nego Vostoka* No2, 2014, pp. 147–155.
8. Pavlov N. *Mezhdunarodnaya zhizn'*, No8–9, 2008, pp. 114–127.
9. Panov A.N. *Polis* 2014, No2, pp. 175–178.
10. Si Tszin'pin. *O gosudarstvennom upravlenii*, Pekin,2014, 613 p.
11. Urazaeva F.P. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy*, 2018, Том 7, No 4А, pp. 117–129.
12. Tszu Yueshen. *Problemy Dal'nego Vostoka*, No 5, 2017, pp.159–166.
13. *Polis, Politicheskie issledovaniya*, 2015, No 6, pp. 53-67.
14. Yangutov L.E. *Problemy Dal'nego Vostoka*, 2016, No 4, pp. 159–167.